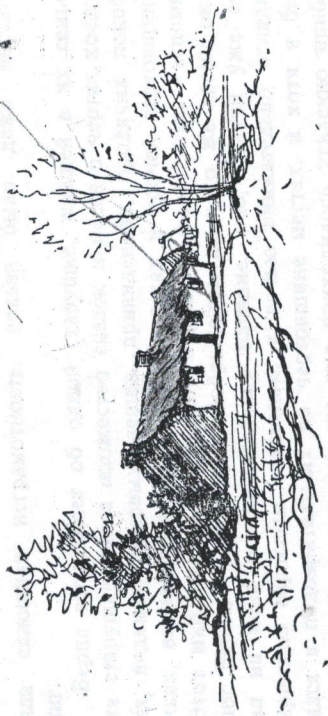

Роберт Бернс
 мирная. Перевод с английского
 Т. А. Сидорова - Куркина, редактор
 , переводчик и комментатор
 С. Бадяга - М., 1936

Редактор
 З. Вершинина
 Художественный редактор
 Я. Егоров
 Технический редактор
 А. Цыпо
 Корректор

Н. Дегтярев и М. Лоренцо
 Переплет, портрет, титул и рисунки
 Георгия Берендгофа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роберт Бернс (1759—1796), выдающийся шотландский поэт, родился в глинобитной крестьянской хижине в деревне Аллоуэй, в трех километрах от города Эйра, в юго-западной Шотландии. Глинобитная хижина тщательно сохраняется и по сей день, хотя эйрские истории не совсем уверены, что это именно та самая хижина, в которой родился Бернс, великий поэт — гордость Шотландии. Несмотря на это, хижина все же представляет большой интерес как памятник условий крестьянской жизни в середине XVIII века.

О своем отце Бернс говорит, что нужна очень рано погнала его в люди. Долгие скитания по Шотландии в поисках заработка, служба в батраках у богатых фермеров и помещиков выработали в нем знание людей, умудрили его житейским опытом и несколько вооружили в трудной борьбе за существование, которую приходилось вести шотландскому крестьянину. В тридцать восемь лет он устроился на более или менее постоянную должность садовника у одного небогатого помещика, женился, и первым его сыном был будущий поэт Роберт Бернс.

Зная на опыте, как тяжело жить в людях, отец Бернса решил во что бы то ни стало держать своих детей при себе, по крайней мере до тех пор, пока они станут самостоятельными. С этой целью он взял у своего хозяина-помещика в аренду небольшую ферму и на льготных условиях со стороны хозяина обзавелся крестьянским хозяйством. Скучная почва этой части Шотландии требовала огромной затраты сил, чтобы прокормить семью, уплатить налоги и аренду. В этих условиях Бернс, как он вспоминает, с восьмилетнего возраста был использован в хозяйстве в качестве рабочей силы.

Зачатки грамоты Бернс получил в своей деревне: школы там не было, но отец Бернса уговорил крестьян учить детвору, и деревня пригласила учителя, который обладал весьма скудными знаниями. Этот учитель кормился поочередно у крестьян и детвору учил в крестьянских избах. Даже в такой школе Бернс учился не более двух лет — для большего не было времени. Все свои знания, какими он впоследствии обладал, он приобрел самоучкой. О своих сверстниках, имевших возможность учиться в городской школе, он говорит, что эти школьники, как актеры, хорошо готовили свои роли, чтобы потом выступить на сцене жизни, ему же приходилось только подслушивать и таким образом кое-что узнавать.

Однако общение с школьниками принесло Бернсу некоторую пользу. От них он кое-что перенял, брал книги для чтения, делился впечатлениями о прочитанном; один из школьников даже познакомил Бернса с французским языком в такой степени, что дальше он мог заниматься самостоятельно. О латини и греческом Бернс мечтал до самой смерти, но так и не успел изучить. О своих друзьях, товарищах по играм и озорству он всегда вспоминал с теплым чувством. «Это был счастливый возраст зеленой юности», — говорит Бернс. — Мы не чувствовали, не понимали тогда глубокой пропасти, лежащей между бедной и богачами. Они, чистенькие, холеные, красиво одетые, никогда не смущались фигурой крестьянского мальчика, босого, с потрескавшимися ступнями, с грубыми, покрытыми неотмываемой грязью руками, с загорелым и обветренным от постоянного пребывания в поле лицом». Но потом они, вызубрившие в школе свои роли, уходили играть каждый свою роль на сцене жизни, а Бернс оставался один с доводившими до отчаяния трудом и нищетой шотландского крестьянина. Жажда знаний, мечты об учении не могли быть удовлетворены: кругом

была сплошная неграмотность, нельзя было даже достать книг.

Бернс вспоминает об одной старушке, жившей в их семье. Эта старушка знала множество сказок и песен о чертях, колдунах, ведьмах, домовых, леших, привидениях, бродячих покойниках, заколдованных башнях и замках и прочей чертовщине. «Этот мир ужасов, мир яркой образной фантастики, — вспоминает Бернс, — развил мое воображение, но в то же время оканзал на меня и отрицательное влияние, ибо, будучи уже совершенно взрослым человеком, я ночью внимательно оглядывался в подозрительных по чертовщине местах, и хотя я был большим скептиком, все же мне приходилось усиленно прибегать к доводам разума и помощи философии, чтобы прогнать эти ужасы».

В это время Бернсу приходилось читать мало и без всякой системы. Первое, что ему попало в руки из области поэзии, было «Видение мирзы» и один из псалмов Эдисона — произведения, не особенно высокие по своему художественному уровню. Первые прочитанные им прозаические произведения были: «Жизнь Ганнбала» и «История сэра Вильяма Уоллеса». «Ганнibal, — говорит Бернс, — так перевернул мой мозг, что я бредил военными подвигами и никак не мог дожидаться того возраста, в котором берут в солдаты, а «История Уоллеса» до такой степени заразила меня отечественными шотландскими предрасудками, что я их унесу с собою в могилу».

В пятнадцать лет Бернс был главным работником в хозяйстве, но в науках мало продвинулся вперед. Книг не было, и с лучшими классиками он познакомился только в отрывках — по хрестоматиям да по школьным антологиям. Где-то он достал «полный письменник» и усердно занялся писанием писем, сравнивал свои с лучшими образцами, приведенными в письменнике, и опять работал с целью достигнуть в этой области совершенства. Об этом времени Бернс говорит как о «беспроектной глуши отшельника и труде каторжника». Дела с хозяйством были плохи, и нужно было делать нечеловеческие усилия, чтобы «удержать голову поверх воды». Здоровье отяготило от непосильного труда окончательно расшаталось, и все тяжести по хозяйству легли на Бернса и его младшего брата Джильберта. В этой каторжной обстановке Бернс написал свое первое стихотворение, при обстоятельствах, изложенных в стихотворении «Хозяюшке Уочеп-Хауза».

Во время жатвы он был поставлен в пару с девушкой на год моложе его (четыренадцать лет), и она пела песню, как потом узнал Бернс, сочиненную крестьянским парнем в честь своей возлюбленной. Это удивило Бернса: он сам решил попробовать сочинять песни, тем более, что влюбился в девушку, жавшую рожь вместе с ним.

«С этого момента,—говорит Бернс,—во мне проснулись одновременно и поэзия и любовь, и они не покидали меня до последних дней моей жизни». Хотя любовь причиняла немало неприятностей и огорчений Бернсу на его жизненном пути, однако он считает, что, «вопреки обывательскому благоразумию и философии буквоедов, любовь есть величайший дар человеку от скупой природы». Бернс был всегда влюблен; до женитьбы, то есть до вступления в «законный брак», у него было пятеро детей (см. «Привет поэта своему незаконному ребенку»). Это обстоятельство послужило причиной того, что Бернса упорно преследовали и «обличали» в своих проповедях все окрестные попы.

К семнадцати годам Бернс прочитал сборник стихов Попа, некоторые пьесы Шекспира и по журналу «Спектатор» ознакомился весьма поверхностно с вопросами текущей литературы и критики; писал стихи, но не был уверен в их художественном качестве, и никому, из боязни оскандальиться, их не показывал, да и показывать-то было некому, по крайней мере рядом не было авторитетного судьи в вопросах поэзии, послать же стихи в Лондон или в Эдинбург у него не хватало смелости.

В это время, побуждаемый жадой знания, Бернс поступил на курсы землемеров в Киркосвальде и занимался там месяцев пять. «Хотя на этих курсах,—говорит Бернс,—я научился наполнять стаканы, но не плохо ознакомился и с геометрией. Однажды мне было поручено измерить высоту солнца, и, мучаясь над тригонометрическими величинами, я увидел девушку, собиравшую цветы, и это было такое солнце, что опрокинуло сразу всю мою тригонометрию и пустило меня по тангенсу из сферы моих вычислений. С неделю я еще помучился над синусами и косинусами, но ничего не выходило, и я уехал домой».

На ферме дела шли все хуже и хуже, со смертью помещика прекратились льготы, новый управитель начал притеснять Бернсов, и они с трудом избежали долговой тюрьмы. «Поведение этого управителя,—говорит Бернс,—вызвало в моем представлении образ, который я запечатлел в поэме «Две собаки».

Пришлось искать другую ферму, и семья переехала в Мохли, недалеко от Эйра. Здесь обстоятельства несколько улучшились. Бернс вступил в кружок местных масонов и по воскресеньям у церкви принимал активное участие в спорах представителей разных религиозных сект, как «Новый свет», «Старый свет» и пр. Среди населения он стал известен как «сочинитель стихов» (*maker of rhymes*).

Бернс сделал попытку стать на собственные ноги и нашел себе компаньона, с которым открыл мастерскую по обработке льна. Но компаньон в самом начале его жестоко обжулил, а затем мастерская сгорела, и Бернс остался, по его собственному выражению, «как истинный поэт, с пустым карманом».

Бернсу было двадцать пять лет, когда умер его отец, и он с братом взял в аренду ферму в третьем месте, недалеко от Мохлина. Этот период оказался наиболее плодотворным для творчества Бернса, здесь написаны лучшие его произведения. Первое стихотворение, «дошедшее до публики» (в рукописи), было «Святая ярмарка»,—ироническое выражение сожаления по поводу ссоры двух почтенных попов кальвинистского толка. Здесь Бернс впервые себя показал блестящим сатириком. Стихотворение это самому Бернсу нравилось, но все же, прежде чем пустить его в обращение, он из предосторожности показал его одному знакомому, заставив, что это стихотворение ему нравится, но что он не знает, кто автор. Знакомый Бернса пришел в восторг от этой сатиры, и когда она дошла до публики, Бернс был встречен громом аплодисментов, «бурей одобрения». Следующее стихотворение—«Молитва святого Вилли»—было встречено с таким же восторгом и так перепугало церковный суд, что было создано несколько заседаний поряд и был произведен строгий смотр всей духовной тяжелой артиллерии на предмет бомбардировки «рифмача-еретика».

В этот период написаны «Веселые нищие», «Две собаки», «Субботний вечер поселянина», «К полевой мыши», «К маргаритке» и много других мелких стихотворений, послуживших залогом будущей славы поэта.

Но дела с хозяйством обстояли весьма плохо. Бернс с братом работали не покладая рук, а все никак не могли свести концы с концами. Призрак нужды неотступно следовал за многочисленной семьей. Младший брат Бернса Джильберт часто упрекал его за «амурные и прочие сумасбродства», но находил утешение в прекрасных планах разбогатеть, которые рисовало

пыльное воображение Бернса. Бернс достал книги по сельскому хозяйству, занимался строжайшим учетом, изучал рынок, но неудачи преследовали его: один год он посеял негодные семена, а на другой год поздняя жатва разорила его почти окончательно.

Особенно возмутило и оскорбило Бернса следующее обстоятельство. Девица Джен Армаур, дочь местного довольно зажиточного зодчего, забеременела от Бернса. Бернс дал письменное обязательство жениться на ней, но отец Джен Армаур разорвал обязательство и заявил, что никогда не выдаст дочь, даже опороченную, за ничегощего прощелыгу. Не видя никакой возможности сносно устроиться, Бернс решил уехать на остров Ямайку приказчиком к одному купцу. На дорогу не было денег, и где их было достать. Бернс прибег к весьма сомнительному, с его точки зрения, средству добыть деньги: он решил напечатать свои стихи. Начал собирать подписчиков на это издание и с великим трудом собрал триста пятьдесят человек. Несмотря на это, он рискнул и напечатал шестьсот экземпляров. Издание моментально разошлось, и Бернс не только покрыл все расходы по изданию, но и получил еще небольшую прибыль. Таким путем появилось знаменитое Кидльманновское издание, экземпляр которого ныне расценивается в тысячи фунтов стерлингов. К отъезду на Ямайку все было готово, и больше не было препятствий. Но перед самым отъездом один из знакомых Бернса получил из Эдинбурга от доктора Блэклока письмо, в котором тот советовал Бернсу приехать в Эдинбург и предпринять второе издание, так как книга его пользуется там большим успехом. Поездка на Ямайку была отложена, и Бернс уехал в Эдинбург, не имея там ни одной знакомой души. Но оказалось, что он был там широко известен в разных слоях общества и его хорошо приняли и в салонах аристократии, и в литературных кругах, и в кругах демократии. Аристократы в нем видели талантливую самородку, для них он был кладом как доказательство крепких устоев шотландской деревни, а отсюда и величия Шотландии. Демократы видели в нем глашатая демократических идей, а литературные круги восхваляли Бернса с точки зрения их направления. Бернс был настолько популярен, что сама герцогиня Гордон изъявила желание увидеть «это чудо», граф Гленкорн сделался его покровителем. Слава — вещь хорошая при условии, когда есть на что жить, а у Бернса как раз кроме славы ничего не было. Единственно полезным

для поэта почитателем оказался богатый книготорговец Крич, устроивший второе издание и нашедший большое количество подписчиков. Это издание, хотя и сопряженное со многими хлопотами, дало Бернсу некоторый доход.

Под влиянием оказанного ему приема в Эдинбурге и удачи с изданием Бернс решил начать иную жизнь, и казалось, что пути к какой-то иной жизни открывались для него. Кое-кто решил помочь ему устроиться. Знаменитый Адам Смит, автор «Исследования о природе и причинах богатства народов», практически смотревший на жизнь, советовал Бернсу устроиться на должность чиновника в соляном ведомстве; миссис Дэнлоп, землячка Бернса, советовала ему и даже обещала оказать помощь поступить на военную службу; другие обещали устроить его на место чиновника в акцизном ведомстве и т. д.

Однако новую жизнь, казалось, начать не так-то легко: Бернс решил вернуться в Мохлин. Здесь его встретили с искренней радостью. Джен Армаур родила двойню, но, несмотря на это, отец ее все еще не давал согласия на брак.

Бернс предпринял две небольшие поездки — одну по южной, другую по северной Шотландии — с целью ознакомления с родной страной и пополнения знаний, ибо Бернс не оставлял мысли о том, что он в конце концов будет располагать достаточным досугом и сможет воспеть Шотландию так, как не воспел ее еще ни один из ее поэтов. На всю свою предыдущую деятельность он смотрел только как на подготовку к большой серьезной работе. Но вырученные от издания стихов деньги таили, из них он почти половину дал брату, а на оставшиеся завел опять ферму и крепко осел в своей родной среде.

Джен Армаур по причине ее второй беременности отец выгнал из дому, и Бернс мог наконец жениться на ней. Началась опять упорная борьба с истощенной, бесплодной почвой, Бернс — опять в поле за плугом, и разоренная норка полевой мыши или выпавшая маргаритка напоминают ему о непрочности его собственного положения. Нотки глубокого пессимизма начинают звучать в его творчестве.

В это время Бернс пользовался большой популярностью, он вел обширную переписку с литераторами и близкими к искусству людьми Шотландии, он стал известен в литературных кругах Лондона, местное джентри искало его знакомства, и грызущиеся между собою попы старались втянуть Бернса каждый в свою секту. При Эдинбургском университете была учреждена

кафедра агрономии, Бернсу предложили работать при ней, многие газеты и журналы предлагали ему сотрудничать в них, но Бернс уже в достаточной степени познакомился с капиталистической культурой, по крайней мере настолько, чтобы оттолкнуться от нее. У него к этому времени выработалось свое понимание ценности общественного человека — это человек труда. Он пишет «Честную бедность» и дает отповедь капиталистическому миру в «Послании к джентльмену, который прислал ему газету». Но нужда надвигалась, разорение фермера шло такими быстрыми темпами, что не могли спасти положение даже довольно большие деньги, вложенные Бернсом в ферму, — он разорялся, как и все фермеры. Бернс вынужден был принять должность акцизного чиновника (по корчному сбору) это давало ему возможность кое-как существовать, но зато отнимало у него все его время. Днем и ночью, во всякую погоду он должен был объезжать верхом питьевые заведения, разбросанные на пространных двухсот с лишним километров. Ферму он оставил на двух батраков, но скоро пришлось от нее совсем отказаться. В 1791 году Бернс сделался «вполне акцизным чиновником». Многие хлопотали за него, и предлагалось даже повышение его по службе в должность акцизного инспектора, но Бернс восторженно приветствовал Великую французскую революцию и не скрывал своих радикальных убеждений. Это испортило его отношения с начальством, и предполагаемое повышение не только не состоялось, но ему даже стало грозить увольнение со службы. Многие из его друзей и покровителей отшатнулись от него из страха скопромировать себя общением с «ужасным радикалом».

Несмотря на стесненное материальное положение и службу, отнимающую много времени, Бернс все же успевал писать стихи, хотя, правда, очень мало. Постепенно он примирился со своими друзьями, и за него опять начали хлопотать, явилась возможность устроить его на должность податного инспектора, которая вполне обеспечила бы его материально и, что самое главное, дала бы много досуга, о котором он мечтал всю жизнь, творя урывками, в повозке, в поле, идя за плугом или верхом на лошади объезжая свой акцизный район. Но досуга ему так и не пришлось дожидаться. Зимой 1795—1796 года он проболел и весной уехал на берег моря, а в июле уже был похоронен.

Причину столь ранней смерти Бернса многие его био-

графы видели в «беспутном поведении и присущести к спиритизму», особенно тогда, когда он служил акцизным чиновником и надзирал за питьевыми заведениями. Это утверждали те, о которых в свое время Гейне сказал: «Тайком они пили вино, пить воду советуя гласно». Это вариант той же поповской морали, которая не давала Бернсу покоя при жизни. На деле причины ранней смерти Бернса лежат в непосильном каторжном труде с семилетнего возраста; труд этот длился тридцать лет, труд тупого ковыряния в бесплодной земле во всякую погоду, — отсюда ревматизм и общая преждевременная изношенность организма. Бернс умер, как говорили врачи его времени, от ревматической лихорадки.

Бернсу были устроены торжественные похороны: почти десять тысяч человек проводили его до могилы. Главную массу составляло фермерское крестьянство, в этой среде его особенно любили и гордились им, фермерское крестьянство хоронило своего поэта. Похоронив, занялись своими делами, а многочисленная семья Бернса — жена и шестеро детей — осталась без всяких средств к существованию. Буржуазная филантропия собрала незначительную сумму денег, кое-что выручили от издания стихов, но все же детям Бернса пришлось тяжелым трудом пробивать себе дорогу так же, как их деду и отцу. Только много лет спустя после смерти Бернса двое из его сыновей, вернувшись из Индии один полковником, другой капитаном, поставили на могиле отца памятник на свой средства.

Бернс жил в тяжелое для шотландского крестьянства время, в разгар промышленного переворота. Капиталистическая индустриализация Англии особенно тяжело отразилась на пораженных ею отсталых Ирландии и Шотландии. Шотландия, страна преимущественно земледельческая, испытала на себе значительно позднее, но зато в более резкой форме и в более широком масштабе, давление капитализма. В интересах массовой капиталистической индустриализации Англии происходила коренная ломка веками установившегося быта шотландского крестьянства и мелкой буржуазии. Бурное проникновение капитализма в деревню, концентрация земель в руках ставших на путь капиталистического производства обуржуазившихся помещиков, пошедших, не изживших еще психологию феодалов, но уже обладавших жадной расчетливостью буржуа, — все это беспощадно угнетало крестьянство, эксплуатировало его, «освобождало» от земли собственной и арендуемой и вообще от всякого собст-

венности. Огромные массы разоренного крестьянства и мелкой буржуазии наполняли города, бродили по стране, нищенствуя и умирая на больших дорогах; эти массы загонялись голодом и нищетой в рудники и шахты, на фабрики и заводы, в армию и флот, военный и торговый, эмигрировали в колонии «искать счастья».

Эта огромная масса, политически аморфная, идеологически разрозненная, в силу своей социальной беспочвенности не могла оказать никакого сопротивления капитализму, ибо объективный ход исторического процесса был не на ее стороне. Разорение этих масс, временное их деклассирование было неизбежно перед превращением их в пролетариат, который впервые робко заговорит о себе своим языком в движении луддитов, а потом более громко в мощном чартистском движении. На данной же стадии идеологи этих масс могли только оплакивать их положение. Оливер Гольдсмит в «Покиннутой деревне» оплакивает гибель когда-то крепкой деревни, крепкой своим патриархальным бытом; Крабб в «Деревне» и «Приходских списках» тоже рисует ужасы быта разгромленной капитализмом деревни. Идеологи разоряемой мелкой буржуазии, пугаясь надвигающегося капитализма, идеализировали ремесленный быт средних веков: Чаттертон, Фергюссон и др.; идеологи разоряемой части мелкого и среднего дворянства и отчасти даже аристократия тоже оплакивали гибель своего класса вместе с гибелью крестьянства, бок о бок с которым они жили в продолжение нескольких веков, это — Коупер, а затем Вордсворт.

Это литературное выражение тоски и горя вместе с идеализацией крестьянства и окружающей его действительности — простого бесхитростного быта, крепкой здоровой морали, семьи и пр. — являлось своеобразной формой протеста против капиталистической действительности. Выхода из все ухудшавшегося положения идеологи мелкой буржуазии не видели. Отчасти вызывая к милосердию сильных, они главным образом противопоставляли капитализму прошлое, отжившее. Они отрицали капитализм не с точки зрения противопоставления ему иной, более стойкой идеологии, а с точки зрения идеализации прошлого, которое этим капитализмом уничтожалось и наглядно показало свою неустойчивость.

В этом общем хоре протеста особенно сильно был слышен голос Бернса, идеолога среднего крестьянства, крестьянина-собственника, оказывавшего сопротивление капитализму и на-

прягавшего все силы, чтобы удержаться на земле. У этой части крестьянства и близкой к ней части ремесленников выработалась своя социальная теория. Идеалом общественного человека, на которого должно ориентироваться все общество, они сделали «простого, честного, делового трудящегося и попросту религиозного фермера» или ремесленника. Протестуя против социального неравенства, эксплуатации и угнетения, разделения человечества на нищих и богатых, на рабов и тиранов, протестуя против капиталистического бессердечия и жестокости, они всему этому противопоставляли свой идеал общественного человека, который в точности соответствует среднему фермеру и ремесленнику. Этот человек не станет продавать себя в рабство: он горд и независим.

В долг я дать не могу ничего —

И не должен и сам никому.

Господином я не был ничьим —

И не буду рабом никому.

(«У меня есть жена».)

Этот крестьянин гордится своей честностью. Он живет только своими трудами, и только благодаря этому он не «раб и не господин». Ниже его в обществе — нищие, бродяги, батраки — это рабы. Он им сочувствует, они входят в его поле зрения, но они — отбросы, язва неразумно организованного общества («Фе-сельные нищие»). А еще хуже господа, тираны, паразиты; там ложь, лицемерие, плутни, жестокость, пустота жизни («Две собаки»).

Человеческое общество было бы идеальным, если бы оно состояло не из нищих и богатей, не из рабов и тиранов, а из тружеников-крестьян и ремесленников. Только они могут служить основой разумного человеческого общества, и если общество хочет выйти из тупика, оно должно ориентироваться на этот идеал человека.

У Бернса действительность отражена с точки зрения идеала такого человека. Он наиболее полно охарактеризован в «Субботнем вечере поселянина». Он независим, у него здоровый, неиспорченный ни нищетой, ни богатством быт; у него дружная и крепкая семья, простые, безыскусственные, но здоровые радости; у него простая, не мудрствующая лукаво религия, с-бо-гом он беседует дружески, без трепета раба и высокомерия гос-

подина; у него искренняя и чистая любовь, не содержащая в себе ничего экзальтированно-возвышенного или низменного; любовь, свободная от всяких иных влияний, кроме чистого чувства, независимая от различия общественных положений; особенно нехорошо приносить любовь в жертву богатству («О, как родители жестоки», «Деревенская девушка»); но в то же время не следует опускаться и до уровня бродяг и нищих, — это будет распутовство.

Бернс, защищая свой идеал человека, отрицает все противоречивее этому идеалу. Его человек крепко привязан к земле, труд на земле — для него великая радость («Веселый пахарь»); все, что относится к труду, достойно внимания. Как хороши поля ржи, ячменя, зеленые межи, луга, роши! Вне крестьянской хижинки, гумна, поля, изредка ярмарки его человек не живет и не действует. Свидание среди колосьев ячменя; Джинни замочила платье, пробираясь через росистую рожь. В песнях Бернса чувствуется запах переворачиваемой плугом земли, слышится скрежет плуга, свист косы и хруст травы. Поля и труд крестьянина прекрасны весной, летом, осенью, днем, лунной ночью, вечером, на рассвете...

Бернс глубоко чувствует и любит природу. Все в ней достойно внимания: и большие картины, и мельчайшие детали. Он замечает придавленную землей, смятую во время пахоты маргаритку, разоренную плугом норку полевой мыши, видит, как блестит роса на крыле малиновки, видит, как тают снежинки, прикасаясь к поверхности незамерзшей реки; он даст яркие пейзажи берегов рек Эйра, Дуна, Твида, Ди, — живыми красками он рисует природу во всем ее многообразии. Его глубокие переживания тесно связаны с трудом и природой, каждый оттенок переживания находит соответствующий тон в природе; он сам — часть природы, он слился с ней. Но Бернс не может скрыть своей грусти, и чем прекраснее картины природы в целом или в деталях, тем глубже грусть на их фоне: везде звучат жалобы на современность, и везде беспокойство за будущее, боязнь, что вся эта красота может погибнуть вместе с человеком, достойным ее.

Ярко реалистически отражен у Бернса быт крестьянства: селье во время отдыха, парни и девушки, любовь, сватовство, народные песни и пляска, обычаи, суеверия, предрассудки, горести и радости, труд и отдых. Яркость изображения не углубляет глубине лиризма, искреннего и задушевного. У Бернса

нет ни малейшей аффектации, ни малейшего признака кокетничанья чувством, столь свойственных романтикам.

Крестьянский мир Бернса отгородился от всего остального мира, замкнулся в себе самом, все с ним не связанное и ему чуждое его не интересует. Он не хочет знать о делах мира даже из газет, не хочет участвовать в его делах. Такое отношение к внешнему миру обусловлено отсутствием каких бы то ни было средств защиты. Бернс все же не уходит, подобно романтикам, от современной ему действительности в далекое прошлое, — он крепко держится за современную ему действительность. Ему чужд мир фантастики, в нем он не ищет забвения и успокоения. Творчество его глубоко реалистично и актуально, но актуальность эта относительна, она ослаблена в значительной степени его политическим индифферентизмом. Все это определило характер бернсовского демократизма. Мы чувствуем его демократизм, когда он направлен против определенных сторон капиталистической действительности, против духа аристократии, когда защищает идеал общественного человека. Но в то же время этот демократизм становится половинчатым и расплывчатым, когда пытается подняться до высоты широкого социального протеста. Бернс совершенно не представлял себе, какими путями можно осуществить его социальные идеалы, он даже не думал о методах борьбы за новое человеческое общество, состоящее хотя бы из идеальных фермеров. Дальше требования парламентской реформы, облегчающей положение фермерства, ни он, ни его среда не шли. В своем национализме он так и не смог подняться хотя бы до понимания национально-освободительной борьбы. Он воспевает прославленное Шотландии, ее свободу и независимость, ее великих людей и патриотов, которыми была сильна когда-то его родина, в то же время совершенно ничего не предпринимая для борьбы за ее свободу в настоящем. Правда, у него кое-где прорываются симпатии к якобитам, видевшим спасение Шотландии в реставрации королевской власти изгнанных английской буржуазией Стюартов. Но с этой безнадежной идеей в его время носились только махровые реакционеры из феодально-поповского лагеря и наиболее отсталые слои крестьянства. Якобит и демократ — понятия диаметрально противоположные. В стихотворении «Вы, так называемые якобиты» Бернс предлагает якобитам не волновать народ, оставить его в покое и бросить идею восстановления Стюартов.

Бернс приветствовал Великую французскую буржуазную революцию, энергично стал на защиту ее идей, полагая, что естественным следствием революции будет победа его идеалов, что организуется общество без рабов и тиранов, без нищих и богатых, — общество, состоящее из средних фермеров. Он приветствовал французскую революцию, пока видел в ней лишь борьбу народа против аристократии и попов, но когда движение, вызванное ею, перекинулось частично и в другие страны, он увидел в нем опасность для фермера и отшатнулся от нее. Он совершенно не понял значения французской революции и кончил тем, что стал на сторону реакции, заговорил о «надменных галлах, угрожающих нашествием Англии», и поклявшись, что «никогда нога иноземного врага не будет попираť британскую землю», вступил добровольцем в армию.

В своем демократизме Бернс не смог подняться хотя бы до уровня мелкобуржуазных радикалов, организовавшихся в Лондонское корреспондентское общество (1792), членами которого были Уильям Годвин, написавший в это время «Политическую справедливость», журналист, поэт и драматург Томас Голькрофт и другие. Это общество восприняло много революционных демократов и представляло такую угрозу для британской реакции, что члены его подвергались не раз заключению в тюрьмы и выслались в колонии.

И все же, несмотря на свою расплывчатость и половинчатость, демократизм Бернса имел в известной степени революционизирующее значение, особенно на первых ступенях рабочего движения в Англии. Это значение творчества Бернса по справедливости оценил Байрон. Его ценили и ценят все те, кто в первых рядах вели и ведут борьбу против рабства и тирании, против угнетения и эксплуатации, все борцы за новое человеческое общество без попов, аристократов и капиталистов...

Как мастера песни Бернса можно сравнивать только с великим французским песенником Беранже. Песни Бернса и теперь поют в Шотландии и Англии, поют многие даже из тех, которые не слыхали имени их автора. Песни Бернса, выросшие на народных мотивах и поднятые на большую художественную высоту, опять пошли в народ и крепко в нем держатся. Высокая музыкальность его стиха, построение, рассчитанное на пение, а не на чтение, наряду с глубокой лиричностью ярким красочным образом ставит Бернса как художника на одно из

первых мест в мировой литературе. Шотландцы называют его своим Шекспиром.

Его острые, меткие сравнения и образы вошли в поговорки. Смелые, оригинальные для того времени рифмы, построение стиха на ассонансах, многообразие размеров, своеобразный ритм народной песни — все это ставило перед переводчиком часто непреодолимые трудности. Разумеется, не может быть и речи о точной передаче в переводе бернсовского размера, ритма и сохранении в то же время смысла во всей его точности. Бернс — один из самых трудных поэтов для перевода, его произведение можно сравнить по трудности передачи на другом языке с «Горем от ума» или с «Кому на Руси жить хорошо». Эти произведения переведены на английский язык (первое прозой, второе стихами), и такой перевод может оценить тот, кто представляет себе особенный характер этих произведений. Англичане о всяком переводе говорят, что он относится к подлиннику как изнанка к лицевой стороне ковра: узоры и рисунки сохраняются, но значительно тускнеют. Переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник сделала все возможное, чтобы дать Бернса как можно ближе к подлиннику, не в смысле точной передачи размера в ущерб содержанию или наоборот, а в смысле передачи стиля Бернса или духа его творчества, делая только иногда незначительные отступления в деталях.

С. Бабух.